

Глава седьмая

ПОЗНАЮЩЕМУ ВОЗДАМ!

Сократ... осмелился поставить истину выше Афин, разум — выше узкой национальности.

А. И. Герцен

вскоре же, на четвертом году от конца войны * объявился у Сократа слушатель — сын демагога Анита юноша Анит. И видя его постоянно в роскошных, царских одеяниях, всегда навеселе от каждодневных возлияний Вакху и к тому же грубым и заносчивым, вознамерились прогнать его друзья Сократа, но учитель не велел, говоря, что всякому, кто бы он ни был,

* В 399 г. до н. э.

необходимо открывать дорогу к знанию и добродетели. И, побеседовав с Анитом-младшим, определил его Сократ как юношу глубокомысленного и добродетели умом не чуждого.

Сын же Анита, покоренный речами Сократа и неприхотливостью жизни его самого и учеников его, скинул с себя дорогой, топазового цвета хитон, расшитый золотыми цветами лотоса и, опростившись, ходил теперь за Сократом в домотканом хитоне, босой и вместо трости эбенового дерева с обыкновенной сучковатой палкой в руке.

И, слушая Сократа, молодой Анит навевался к софистам, беря у них уроки диалектики и красноречия. И открылись глаза ему на несправедную жизнь отца своего, Анита, и стал он изводить того укорами властолюбивому нечестию его и лицемерию.

Анит же старший, встревожившись за сына, представил дело так, что на него дурно влияют софисты и еще — Сократ, которого он с давних пор уподоблял софистам, не делая разницы между испровергающей все и вся софистикой и стройным, познающим истину учением Сократа.

И, желая убедиться самому, насколько пагубны для молодых сердец беседы и споры софистов, отправился Анит-отец послушать их на месте и наткнулся на Сократа и его учеников, сидевших в полуденный зной в тени базарного портика; и были здесь все старые друзья Сократа, а из новых — Аполлодор, Платон и младший Анит. И шла у них беседа о добродетели, ибо, будучи наслышан о Сократе, приехал из Пелопоннеса страждущий познаний молодой лаконец* с суровым обветренным лицом бывалого воина и спросил, поклонившись Сократу:

— Можешь ли научить меня добродетели, мудрец?

И Сократ, с улыбкой взглянув на него, ответил:

— Разве добродетели можно научиться?

---

* Житель Лаконии.

— Как же иначе? — удивился лаконец.

— Что касается меня, чужеземец, то я вообще не знаю, что такое добродетель. А если я не знаю, то как я могу научить?

И спросил лаконец:

— Так мне и сказать у себя дома?

— И не только это скажи, но и о том, что я, кажется, нигде не встречал человека, который бы знал это.

— Но почему же нельзя научиться добродетели, Сократ?

Тут-то и приблизился к беседующим демагог Анит, увидав которого, сказал Сократ:

— Вот как кстати ты пришел, Анит. Не хочешь ли поучаствовать в нашей беседе? Ведь как-никак ты сын самого Антемиона, человека мудрого и богатого, разбогатевшего не случайно и не как счастливец, получивший Поликратовы сокровища *, но благодаря собственной мудрости и усердию. И сына воспитал он достойно, как считает большинство афинян, выбирающих тебя на самые высокие должности. С такими-то, как ты, и надо исследовать истину. Усадите-ка его поудобнее, друзья мои.

И, усевшись на ступеньке портика, спросил Анит, делая вид, что не уловил насмешки в славословии Сократа:

— О чем же беседа?

И Сократ спросил:

— Скажи, Анит, если мы хотим сына твоего Анита сделать искусным врачом, к каким учителям мы его пошлем? Не к врачам ли?

— Только к врачам, — сказал Анит.

— А если захотим сделать из него хорошего кожевника?

— К кожевникам, конечно.

— А к кому пошлем его, если он желает научиться

---

* По имени самосского тирана Поликрата (VI в. до н. э.), обладателя несметных сокровищ.

добродетели? Не к тем ли, кто провозгласил себя учителями добродетели?

— Кого ты имеешь в виду? — насторожился Анит.

— Ты и сам понимаешь, что я имею в виду софистов, — сказал Сократ, — ибо именно софисты всем твердили, что они — учителя добродетели.

И сказал Анит с негодованием:

— О боги! Разве ты не знаешь, что софисты — очевидная гибель и порча для всех умов?!

— Что ты говоришь, Анит? — И Сократ лукаво усмехнулся. — Тогда они просто безумцы, а не мудрецы.

— Вовсе они не безумны, — начал сердиться Анит, косясь на сына, пристально внимающего спору. — Скорее уж безумны юноши, платящие деньги софистам, еще безумнее родители, вверяющие своих сыновей этим обманщикам, а того безумнее граждане, позволяющие им въезжать в наши города!

— Уж не обидел ли тебя, Анит, кто-нибудь из софистов, что ты так зол на них? — спросил Сократ.

— С чего бы мне злиться на них? Слава богам, ни с одним из них я даже не знаком.

— Ну, хорошо, — согласился Сократ, — тогда сам назови нам тех, у кого вот этот молодой лаконец может сподобиться добродетели.

И Анит сказал:

— Да любой достойный афинянин поможет стать ему лучше.

— Скажи-ка, Анит, а что, эти достойные афиняне сами собой стали такими, ни от кого не учась?

— Почему же? Они обучались у тех достойных граждан, кто жил раньше их. Или, по-твоему, мало рождалось в нашем городе доблестных мужей?

— А были ли они, эти доблестные мужи, и хорошими учителями добродетели, вот что хотелось бы знать. Согласен ли ты, к примеру, что Фемистокл был доблестный человек?

— Еще бы!

— Значит ли это, что, если кто и был хорошим учителем добродетели, так это он?

— Думаю, что так!

— Тогда вспомни: его сын, Клеофан, был отличным наездником. Он умел и прямо стоять на лошади, и на полном скаку, стоя бросать с нее дротики, и вытворял еще немало чудес; и все это преподавал ему отец. Ты, верно, слышал об этом от стариков?

— Слышал.

— Так что сказать, будто сын Фемистокла был бездарен по природе, нельзя?

— Как видно, нельзя.

— Но слышал ли ты, что Клеофан был добродетелен в том же, в чем его отец, в государственной мудрости?

— Совсем напротив...

— Вот, видишь... Так что же, Фемистокл нарочно не захотел приобщить своего сына к мудрости, которой сам был славен?

— Как видно, не захотел! — уцепился Анит за Сократово предположение.

И Сократ сказал:

— Вот тебе и великий учитель добродетели! А ведь ты, Анит, признал его одним из лучших среди наших предков...

И не зная, что сказать, молчал Анит краснея. И, поглядывая на отца, усмехался младший Анит.

И тогда сказал Платон, шевельнув могучими плечами:

— Хотел бы и я привести пример, Сократ. Ты ведь знаешь, Анит, что Перикл, человек и вовсе выдающийся мудрости, воспитал двух сыновей от первой жены, Парала и Ксантиппа?

— И что же? — нехотя откликнулся Анит.

— Так неужели он не хотел их сделать мудрыми? А что из этого получилось? Оба они были известны больше своей глупостью, чем добродетелями.

— А может быть, Периклу недосуг было запыться сыновьями? — сердито спросил Анит.

Ответил же ему Сократ:

— Но ведь он был первым гражданином в нашем государстве! Уж он-то мог бы позаботиться найти учителей, кто сделал бы его сыновей доблестными. Вот и получается, Анит, что, видно, добродетели обучить нельзя...

И рассмеялись поражению Анита все свидетели, а сын его с таким презрением кольнул отца глазами, что в гневе вскочил демагог и сказал, грозя Сократу толстым пальцем:

— Что-то больно легко ты порочишь государственных мужей, Сократ! Я бы посоветовал тебе поостеречься делать это впредь! А тебе торчать здесь нечего! — оборотился он к Аниту-младшему, но, встретив насмешливый взгляд его, стукнул в гневе посохом и ушел.

Сократ же сказал с сожалением:

— Мне кажется, Анит не на шутку рассердился...

И, зло блеснув глазами в сторону отца, сказал его сын:

— В рассказе Эзопа говорится, что если тронуть свинью, она начинает визжать. У свиньи ведь нет ни шерсти, ни молока, нет ничего, кроме мяса. И как только ее тронешь, она визжит, думая, что ее хотят извести для мяса. Так же и люди, подобные отцу, вечно исполнены подозрений и правды страшатся пуще огня. А больше всего, учитель, зол отец из-за меня...

— Чем же мы досадили твоему отцу? — спросил Сократ.

— Тем, что я теперь сторонюсь его.

И Платон, рассмеявшись, сказал:

— В таком случае, прибавим на счет Сократа еще одно доброе дело.

— Но давай закончим спор, — сказал лаконец. — Откуда же берутся хорошие люди, если добродетели, как говорит Сократ, научиться нельзя?

И, подумав, сказал Сократ:

— Хорошим, мне кажется, становится тот, кого от рождения делает таким семья, мать и отец, а также и те, кто познает себя, чтобы сделаться лучше...

И лаконец сказал:

— Прежде я думал, что знаю что-то о добродетели. Теперь же и в этом сомневаюсь...

И друзья Сократа добродушно рассмеялись на его слова, а Сократ сказал с улыбкой:

— Но ведь сомнение, мой дорогой лаконец, и есть начало познания...

— И еще просили узнать у тебя, как сделать граждан счастливыми? — спросил лаконец Сократа.

И в задумчивости покачал Сократ своей высоколобой, шишковатой головой, сказав:

— Трудный вопрос ты поставил, лаконец...

Платон же сказал:

— Я тоже размышлял над этим, учитель. И вот к чему пришел: до тех пор, пока в городах не будут править искренние философы либо правители искренне и удовлетворительно философствовать, — до тех пор счастья не жди.

— Ты хорошо сказал, Платон, — кивнул Сократ. — Но об этом мы поговорим в другой раз, потому что надо пообедать.

А несколько дней спустя, когда Сократ, оставленный Ксантиппой нянчить Менексена, сидел с малышом на крыльце, быстро вошел Критон и, озираясь по сторонам, спросил:

— Помнишь ли, Сократ, как ты недавно уличил в невежестве Анита-старшего?

— Как же, — ответил Сократ. — Мы спорили тогда о добродетели.

— Так вот, Анит решил отомстить тебе за это унижение, а заодно и за сына, который, наслушавшись твоих бесед, совсем не признает отца.

— И каким же образом он собрался мне отомстить? — с улыбкой спросил Сократ.

И Критон сказал:

— Зря ты смеешься, Сократ. От верных людей я узнал, что Анит готовит на тебя донос.

— Смешно было бы мне, старику, бояться доносов.

— А разве ты не должен думать о детях? Ведь случись с тобой какое несчастье, сыновьям твоим придется испытать все то, что выпадает на сиротскую долю.

— Аниту не в чем обвинить меня.

— Клевета, вот что может быть обвинением. Ну можешь ты хотя бы на время отказаться от своих обличительных споров?

И, простодушно улыбнувшись, спросил Сократ:

— Как бы ты ответил на такой вопрос: в чем, по твоему, сущность философа?

— В разуме, я бы сказал.

— А в чем еще? Не в том ли, что истина — смысл его жизни?

— И в этом также.

— Тогда ответь: запершись ли в четырех стенах мы ищем и находим истину или же в споре с людьми?

— Споря с людьми, конечно.

— Так не кажется ли тебе, что возможность спорить и свободно говорить необходима философу так же, как воздух для дыхания человеку?

— Наверно, так.

— Но если запретить ему дышать этим воздухом свободы, не будет ли он обречен как философ?

— Ты прав, Сократ.

— Но, предлагая мне, для которого философствовать значит жить, отказаться от споров, не обрекаешь ли ты меня тем самым на смерть?

Критон же возразил с обидой:

— Что ты, Сократ. Как можешь ты думать такое.

И Сократ сказал:

— Тогда не предлагай мне невозможное и не пугай меня Анитом.

— И все-таки, будь осторожен, Сократ, — попросил Критон и, ласково похлопав друга по плечу, ушел.

Но Сократ не умел быть осторожным, если он разоблачал невежество. Как-то раз под вечер он привел гостей, Платона и Аполлодора, и Ксантиппа, выбежав навстречу из дому, с бранью накинулась на мужа, коря его за то, что нечем угостить людей. И юные друзья Сократа, смутившись, хотели уйти, но Сократ их удержал и, выждав, пока Ксантиппа вернется в дом, где заревел Менексен, сказал:

— Ну а если бы к нам на стол влетела курица и произвела переполох, разве мы бы стали волноваться?

Гости рассмеялись, Сократ же, принеся из кладовки амфору с самодельным вином, кружки и блюдо с оливками и виноградом, усадил гостей за стол, стоявший под тутовым деревом, и наполнил кружки. И, отпив вина, Аполлodor заметил:

— А все-таки, Сократ, твоя Ксантиппа воистину несносная женщина...

И Сократ сказал:

— Я уже давно привык к ее брани, как привыкают к непрестанному шуму мельничного колеса. Но ведь, кажется, и ты, Аполлodor, смирился с гоготом своих гусей.

— Да, — кивнул Аполлodor, — но они приносят мне яйца и птенцов.

— А мне Ксантиппа — детей, — отшутился Сократ, опять рассмешив друзей.

Тут-то и вбежал во двор белобрысый сын Сократа, Софрониск и, крикнув отцу:

— Гости к нам важные! — умчался назад, гонять по улице.

К дому же Сократа, спросив у мальчишек дорогу, подходили двое — молодой трагический поэт Мелет с заморской дорогой собачкой на поводке и красавица гетера Ламия; и был облачен женоподобный Мелет в небесного цвета хитон, расшитый золотыми индийскими слонами,

которые от колебания складок шевелились, как живые. И говорил сияющий Мелет подруге:

— Сократ, моя дорогая, мало что смыслит в искусстве, так что я заранее предвкушаю победу и удовольствие, которое при этом доставлю тебе, если, конечно, эта лысая образина посмеет вступить со мной в состязание.

Друзья же Сократа издали, поверх плетня, разглядели гостей, и Платон узнал обоих:

— Это Мелет к тебе пожаловал, учитель, а с ним гетера Ламия.

— Не тот ли это Мелет, — спросил Аполлодор, — который преследовал при тиранах демократов и голосовал за казнь Леонта Саламинского?

— Тот самый, — усмехнулся Сократ. — Только он теперь перекрасился и зашибает звонкую монету, славя народ.

И Ламия, входя в калитку, сказала с улыбкой:

— Поклонники твоей мудрости, Сократ, не расстаются с тобой. И все-таки я сильнее тебя: ведь ты не можешь отбить моих друзей, а я, стоит мне захотеть, переманю к себе твоих.

И Сократ, улыбнувшись, ответил:

— Вполне понятно: ведь ты ведешь их под гору порока, а я заставляю карабкаться на гору добродетели, а это слишком трудная дорога. Садись, дорогая Ламия. И ты садись, Мелет.

И, усадив гостей напротив, на свободную скамейку, предложил Сократ гостям вина, но они вежливо отказались. И тогда спросил Сократ Мелета:

— Откуда ты к нам?

— Из Эпидавра*, — сияя, ответил Мелет.

— Выходит, ты участвовал в состязаниях поэтов? И с каким же успехом?

Мелет же с гордостью изрек:

---

* Город Пелопоннеса, где проводились мусические состязания в честь бога врачевания Асклепия.

— Мы получили первую награду, Сократ!

— Вот как, — сказал Сократ. — Смотри же, чтобы мы победили и на празднике Панафиней.

— Думаю, что так и будет, — заверил Мелет.

Сократ же сказал*:

— Да, Мелет, мне остается только завидовать вам, поэтам. Ведь для того, чтобы стать хорошим поэтом, нужно понимать природу прекрасного, не так ли?

— Да, Сократ, и для меня постижение прекрасного было самым трудным в искусстве.

— Как хорошо, Мелет, — продолжал Сократ, отпивая из кружки прохладное, кислотоватое вино. — А то представь себе, совсем недавно меня поставили в трудное положение, задав такой вопрос: «Давай-ка посмотрим, Сократ, сможешь ли ты сказать, что именно прекрасно и что безобразно?» И я стал недоумевать и не мог ответить как следует, пока совсем не рассердился на себя. Вот как кстати вы пришли, Мелет и Ламия.

— Какое совпадение! — усмехнулся Мелет. — Ведь мы и пришли к тебе именно затем, чтобы потолковать с тобой о природе прекрасного...

И Сократ спросил:

— В таком случае, ты, верно, не откажешь научить меня, как понимать прекрасное?

— С радостью, Сократ!

— Так постарайся точнее сказать мне, что же оно такое, прекрасное. Ведь это, определенно, малая толика твоих многочисленных знаний.

— Мне думается, вряд ли кто имеет столько интересных мыслей о прекрасном, как я, — заверил Мелет, и Ламия толкнула его под столом, чтобы он не очень зазнавался.

Сократ же сказал:

— Значит, я легко научусь от тебя, и никто больше не изобличит меня в невежестве?

---

* Аналогичный спор о красоте известен как диалог Сократа с Гиппием (Платон).

— Разумеется, никто, ведь иначе я оказался бы ничтожным, заурядным человеком.

И снова Ламия толкнула под столом Мелета.

— Только, если ты не против, — предложил Сократ, — я буду возражать тебе, чтобы лучше выучиться.

— Что ж, возражай.

— Так что такое прекрасное, Мелет?

И воскликнул Мелет с величественным жестом:

— Так знай же, Сократ, что прекрасное — это прекрасная девушка!

— Славный ответ, клянусь собакой! — сказал Сократ, а Платон с Аполлодором, чтобы скрыть насмешку, загордили губы кружкой с вином. — Не правда ли, Мелет, если я так отвечу, уж меня никто тогда не опровергнет?

И, довольно рассмеявшись, спросил Мелет:

— Да кто же тебя опровергнет, если каждый подтвердит, что ты говоришь правильно!

— Ну а если мне возразят: «Хорош же ты, Сократ! А разве прекрасная кобылица не есть прекрасное?» Что мы тогда ответим?

— Ты верно говоришь, — согласился Мелет. — Ведь кобылицы у нас бывают прекраснейшие.

— Вот, видишь, — улыбнулся Сократ. — А потом меня спросят: «Дорогой мой, а что же такое прекрасный горшок? Разве не прекрасное?» Что я на это отвечу?

И сказал возмущенно Мелет:

— Да кто посмеет так невоспитанно и дерзко произносить столь низменные слова в таком серьезном деле?!

— Представь себе, что есть такой, — вздохнул Сократ, отхлебнув глоток вина. — Но надо все-таки ему ответить. И я заранее заявляю: если горшок вылеплен искусным гончаром, какие лепил, к примеру, покойный отец Ксантиппы, Нактер, если горшок округл, гладок и хорошо обожжен, как некоторые горшки с двумя ручками из тех прекрасных во всех отношениях горшков, что обычно вмещают шесть таких вот кружек, — если я спрашиваю о таком горшке, надо ведь признать, что он

прекрасен. Как можно назвать не прекрасным то, что прекрасно?

— Да, Сократ, — кивнул снисходительно Мелет. — Прекрасный горшок — тоже прекрасное. Но в целом он недостоин сравниться с прекрасной кобылицей, девушкой и со всем остальным прекрасным.

И Сократ сказал:

— Я понимаю, Мелет, что возражать тому, кто задает подобные вопросы, следует, приведя изречение Гераклита: «Из обезьян прекраснейшая безобразна, если ее сравнивать с человеческим родом». И прекраснейший горшок безобразен, если сравнивать его с девичьим родом, не так ли, Мелет?

— Конечно, Сократ, ты верно ответил!

— Но ведь тот человек может сказать: «Как же так, Сократ? А если мы сравним девичий род с родом богов, не покажется ли прекраснейшая девушка безобразной по сравнению с той же Афродитой?»

И Мелет сказал:

— Кто стал бы возражать против этого? Каждому ясно, что по сравнению с богами род людской не прекрасен.

— Но ведь тому-то человеку мы опять не угодим, Мелет. Он посмеется над нами! А если к тому же у него окажется палка, он еще и постарается вздуть меня.

— Что ты городишь?! — возмутился Мелет. — Разве у нас нет суда в государстве, чтобы каждый кто захочет бил другого без всякого повода?

— В том-то и дело, Мелет, что он за дело меня поколотит.

— Не понимаю тебя, Сократ.

— Так наберись немножко терпения и послушай, что скажет мне тот человек. А скажет он вот что: «Эх, Сократ! Я спрашиваю тебя о том, что такое прекрасное само по себе, а ты приводишь в ответ нечто такое, что прекрасно не больше, чем безобразно. Нет, ты скажи мне, приятель, что такое прекрасное вообще, то, благо-

даря чему и девушка, и кобылица, и горшок становятся прекрасными».

— В самом деле, нелепость какая-то получается, — смутился Мелет.

— Что бы мне тогда осталось, как не сослаться на тебя, дорогой?

И Мелет в сильном замешательстве спросил:

— Так ты добиваешься, чтобы... чтобы я назвал такое прекрасное, которое никогда никому не покажется безобразным?..

— Да, Мелет, теперь ты это прекрасно понял...

И, красный от стыда, мучительно молчал Мелет, моргая глазами.

И Ламия сказала:

— Ты видишь, Мелет, сколько хлопот доставило нам прекрасное. И пока оно, разгневавшись, не убежало от тебя дальше, давай лучше мы уйдем от него...

Мелет же, поднявшись, забормотал:

— Такой ответ, Сократ... его найти нетрудно... Мне только нужно уединиться и поразмыслить самому с собой, и тогда я скажу тебе это точнее точного. — И, взятый под руку Ламией, поспешил к раскрытой калитке, держа на поводке повеселевшую собачку.

Друзья же Сократа, дав себе волю наконец-то, дружно рассмеялись, после чего Аполлодор сказал:

— За твою победу, Сократ! — и поднял свою кружку.

— Много славы будет этому Мелету пить за победу над ним, — заметил Платон и предложил продолжить беседу о прекрасном.

...И не знали Сократ и друзья его, что тем же вечером встретил Мелета у дома его Анит и повел с ним такую беседу:

— Не узнаю тебя, Мелет. Куда девалась обычная твоя веселость?

— Какая же может быть радость, Анит, если любому бродяге дозволено унижать достойнейших граждан!

— Уж не тебя ли кто обидел, Мелет?

— Представь себе, эта лысая образина, Сократ, выставил меня сегодня посмешищем!

И, задумавшись, сказал Анит:

— А не кажется ли тебе, Мелет, что мы слишком долго терпим словесные бредни этого софиста? Ведь для него нет ничего святого, ни богов, ни власти. Своим примером он давно развращает молодежь, а это может плохо кончиться...

И, расстроенный, сказал Мелет:

— А что мы можем? Ведь у нас теперь свобода: каждому разрешено болтать все, что ему взбредет в голову.

И сказал Анит, понизив голос:

— Но ведь и мы с тобой как граждане вольны... подать, к примеру, в суд на тех, кто возмущает спокойствие граждан...

— Да, но где мы найдем доказательства и свидетелей?

— Найдем! — уверенно сказал Анит.

— Но у Сократа много друзей, — засомневался Мелет, — да и народ ему потворствует...

— Ошибаешься, Мелет. Своим длинным языком он отвратил от себя и большинство простого люда... Совсем недавно он обвинил афинян в том, что будто бы они бездумно избирают на государственные должности недостойных людей и высмеял наше священное право — голосование!

— Что-то я не слышал об этом...

— Но ты же был в отъезде... Когда в собрании зашла речь о нехватке в Афинах лошадей, этот вздорный старик посоветовал... что бы ты думал?.. решить вопрос голосованием и ослов превратить в лошадей!

— Какая наглость!

— Я надеюсь, теперь-то ты согласен выступить со мной против Сократа?

— Да наберем ли мы пятую часть голосов в суде? Ведь иначе нас самих присудят к штрафу, и немалому — в тысячу драхм!

— Не тревожься, — успокоил Анит. — Случись у нас неудача, я оплачу штраф за нас обоих. И третьего обвинителя подыскать я тоже возьмусь. Так как, Мелет?..

— Больно уж рискованное дело, — еще посомневался для вида Мелет.

— Скажи, Мелет, — сказал тогда Анит вкрадчивым голосом, — а не желал бы ты видеть свои прекрасные трагедии увековеченными искусной каллиграфией на шитых вместе листах, одетых в красивую толстую кожу?..

— О! — восторженно воскликнул Мелет. — Я давно мечтаю об этом. Но ведь это страшно дорого стоит...

— Не дороже денег, — усмехнулся Анит. — И мы тебе это сделаем...

И, вспомнив о своей победе в мусических состязаниях, вновь обрадовался Мелет, спросив Анита:

— Ты, наверно, слышал, дорогой Анит, что на празднике в Эпидавре я опять был первым из поэтов?..

— Прими мои поздравления, Мелет.. Так ты согласен?..

— Видит Зевс, ты убедил меня, — сказал Мелет.

...А вскоре, сам того не желая, нажил себе Сократ и третьего врага... Случилось же это в леске, на Празднике Кружек в честь бога виноделия Диониса, где за широкими столами бражничали молодые афиняне и среди них друзья Сократа. И зашел у них разговор о любви, затеянный гетерой Ламией, сбежавшей от Мелета. И спросила Ламия друзей Сократа:

— Раз уж мы заговорили о любви, хотелось бы спросить, не знает ли кто из вас, как относится к этому чувству Сократ? Сама я стесняюсь задать ему такой вопрос.

И бывший среди них Критон сказал:

— Да лучше спросим об этом у самого Сократа. Ведь это он нас пригласил сюда, заметив, что «к людям достойным на пир достойный без зова приходит».

— И правильно он сказал. Так где же он сам?

— Он всю дорогу отставал, — ответил Платон, сидевший здесь же, — а когда мы остановились его подождать,

велел нам с Критоном идти вперед. Но с ним остался Аполлодор...

Тут-то и явился в дверях улыбающийся чему-то Аполлодор, и Платон спросил:

— Но где же Сократ?

И, садясь на скамью, сказал Аполлодор:

— Мы почти уже дошли, как вдруг Сократ повернул назад и теперь стоит в сенях соседнего дома, а на зов идти отказывается...

— Что за вздор! — поднялся с места Платон. — Сейчас я позову его.

— Оставьте его в покое, — вмешался Критон. — Сядь, Платон... Такая уж привычка у Сократа: отойдет куда-нибудь в сторону и станет там, задумавшись. Он скоро сам явится. Не надо только мешать ему...

Тут вышел на середину лески хозяин ее, добродушный с виду толстяк, и громко возгласил:

— Эй, слуги! Считайте, что меня и всех этих добрых людей вы пригласили на обед, и ублажайте нас, как самых дорогих гостей! Да поживее!..

И забегали между столами слуги, загремели посудой, со стуком опускали на столешницы амфоры с вином и кратеры с водой, подкладывали в блюда кисти винограда, фрукты и оливки. И поднимались под сладкое звучанье флейт кружки с разбавленным вином и возглашали здравицы покровителю виноделия Дионису. И в этот-то разгар веселого пиршества вошел седобородый Сократ в своем поношенном, но чисто выстиранном хитоне. И дружным хором голосов встретили его друзья и, усадивши рядом с Ламией, поднесли ему кружку вина.

И Критон сказал:

— Без тебя, Сократ, мы начали разговор о любви. Не хочешь ли продолжить его?

Гетера же добавила, улыбаясь:

— А я, Сократ, готова вступить с тобой в состязание. Ведь эти достойные люди, твои друзья, считают меня знатоком любви.

И сказал Сократ:

— Я рад беседовать с тобой, милая Ламия. Но сначала хотелось бы знать, к чему вы пришли, споря об этом?

— Большинство, а также и я, пришло к тому, что Любовь есть красота, хотя вот Платон не согласился с этим, но сам он не успел нас опровергнуть.

— Итак, любовь есть красота и благо, ты говоришь. Такое начало мне по душе. — И лукаво улыбнувшись, продолжал Сократ: — А теперь попытайся ответить, что ты понимаешь под этим: просто любовь или любовь к кому-то или к чему-то?

— Конечно, к кому-то или к чему-то, Сократ.

— Так вот, запомни это покрепче и не забывай. А теперь пока скажи, когда мы любим: когда обладаем предметом любви или когда не обладаем?

— По всей вероятности, когда не обладаем.

— А может быть, это не просто вероятность, а необходимость? Не кажется ли тебе, дорогая Ламия, что то, в чем нет недостатка, не может вызвать желания? Разве пожелал бы, к примеру, рослый быть рослым, а здоровый здоровым?

— Вряд ли...

— Следовательно, любят то, в чем нуждаются или чего не имеют, не так ли?

— Правильно.

— А теперь скажи, любовью к чему назвала бы ты сердечное влечение?

— Нетрудно ответить на это, Сократ: к прекрасному, поскольку любви к безобразному не бывает.

— Справедливо. Но не получается ли в таком случае, что любовь лишена красоты, раз нуждается в ней?

И в замешательстве признала Ламия:

— Выходит, что так...

— Так неужели ты называешь прекрасным то, что лишено красоты?

— Нет, конечно.

— И ты все еще утверждаешь, что прекрасна любовь, а не стремление к ней?

И, рассмеявшись, сказала гетера:

— Я не в силах спорить с тобой, Сократ.

— Нет, милая, — улыбнулся Сократ, — ты не в силах спорить с истиной, а спорить с Сократом дело нехитрое...

И тогда Аполлодор вскричал:

— А все же бог любви, друзья, достоин того, чтобы мы восславили его, клянусь Гераклом! Поднимем чаши, друзья!..

И величественно, как царь, вошел к пирующим оратор Ликон, друг демагога Анита, — в атласном хитоне и с царским золоченым посохом в руке. И Сократ приветствовал его с чуть заметной насмешкой:

— А, Ликон! Славный и мудрый! Наконец-то ты вернулся в Афины!

И, расхаживая важно меж столами, отвечивал Ликон:

— Все недосуг, Сократ. Всякий раз, как булевтам* нужно вести переговоры с каким-нибудь государством, они обращаются ко мне, считая меня наиболее подходящим вестником речей, которые произносятся от имени государства. Много раз бывал я послом в различных странах, и сейчас только что вернулся из Спарты.

Сократ же сказал:

— Подсаживайся к нам, Ликон, и вышей во славу Диониса!

И, садясь к столу возле хозяина, сказал Ликон:

— Да, друзья мои, однажды я прибыл в Сицилию, когда там находился Протагор, человек прославленный и много старше меня, и, несмотря на это, я в короткое время заработал больше, чем Протагор вместе со своими учениками!

И, оставляя без внимания знаки, которые делал Кри-

---

* Бу л е в т — высшее должностное лицо в совете «Пятисот».

тон, прося не задевать лучшего друга Анита, Сократ сказал, остановив взгляд на узком, морщинистом лбу Ликона*:

— Да, Ликон, ты приводишь прекрасное и важное доказательство мудрости... А вот с Анаксагором, говорят, произошло обратное тому, что случается с вами: ему остались по наследству большие деньги, а он по беззаботности роздал их беднякам — каким же неразумным мудрецом он был! Многие теперь согласятся, что мудрец должен быть прежде всего мудрым для самого себя, а доказывается это так: мудр тот, кто зарабатывает больше денег... — И, видя, что и этим не проймешь невозмутимого оратора, добавил: — Но ведь, если ты зарабатываешь уйму денег искусством красноречия, то, верно, ты здорово в нем разбираешься?

— Что за вопрос, Сократ! — ответил Ликон, осушивши чашу вина и закусывая виноградом.

— Стало быть, начнем, — кивнул Сократ. — Так в чем, собственно, состоит твое искусство? Вот ткачество, например, состоит в изготовлении одеяний. Так я говорю?

— Да.

— А музыка — в сочинении напевов?

— Да.

— Клянусь харитами, Ликон, я восхищен твоей краткостью!

— Бывает, Сократ, когда пространные ответы неизбежны. Тем не менее никому не превзойти меня в краткости выражений.

— Ты прав. Теперь ответь мне так же кратко и только насчет красноречия: что оно такое?

— Это самое великое, Сократ, и самое прекрасное из всех человеческих дел!

— Ах, Ликон, ты отвечаешь уклончиво. Ведь против тебя тотчас же выступят врач, учитель, делец и станут

---

* Трансформированный диалог из «Гортил» Платона.

доказывать, что не твое, а их искусство есть величайшее из дел. Так что объясни, пожалуйста, почему ты отдаешь предпочтение красноречию?

И сказал Ликон:

— Искусство красноречия есть потому величайшее благо, что оно способно убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ в Собрании. Владея такой силой, я всех могу держать в повиновении: и врача, и учителя, и ремесленника.

— Понял тебя, Ликон. Тогда давай рассмотрим вот что. Если бы тебя спросили: «Бывает ли вера истинной и ложной?» — ты бы, я полагаю, ответил, что бывает?

— Да.

— Ну а знание? Может ли оно быть истинным и ложным?

— никоим образом! Только истинным!

— Стало быть, «узнать» и «поверить» — это не одно и то же?

— Ты прав.

— А между тем убеждением обладают и узнавшие и поверившие.

— Правильно.

— Какое же убеждение создается красноречием в судах и других сборищах? То, из которого возникает вера без знания или из которого знание?

— Ясно, что из которого вера.

— Значит, оратор в судах и других общественных местах лишь внушает веру, и только?

— Конечно. Ведь толпа не смогла бы сама разобраться в короткое время, что справедливо, а что несправедливо.

— Иными словами, в том, что внушает ей оратор, толпа невежественна?

— Как же иначе!

— Так что же ты, Ликон, смеешься надо мной? — спросил Сократ.

— То есть как «смеюсь»?! — возмутился Ликон.

— Да разве не ты только что пытался убедить меня, что искусство красноречия самое прекрасное из человеческих дел?

— Я и сейчас утверждаю это.

— Да как же можно назвать прекрасным то, посредством чего внушается вера невеждам?

И, заметив усмешки на лицах гостей, сказал Ликон растерянно:

— Ты сбил меня с толку своими вопросами. Но, может быть, мы отложим наш спор? Надо ведь и о присутствующих подумать.

Но хозяин сказал:

— Разве вы сами, Ликон и Сократ, не видите, с каким удовольствием слушают вас эти люди?

И гости дружно поддержали:

— Продолжай, Сократ. Говорите хоть весь день, сделайте милость. Спешить нам некуда.

— Так как, Ликон, — спросил Сократ, — ты согласен продолжать?

И Ликон сказал:

— Для меня было бы теперь позором отказаться, Сократ. Только, если ты не против, я сам хочу задать тебе несколько вопросов.

— Так задавай.

— Раз уж я зашел в тупик, то что скажешь о красноречии ты сам?

— Сказать тебе правду, Ликон, по-моему, это вообще не искусство.

— Не искусство?! Так что же оно такое?

— Я боюсь, как бы правда не прозвучала слишком грубо и как бы ты не подумал, будто я поднимаю на смех твое занятие, Ликон, но то, что я называю красноречием, — это часть дела, которое прекрасным никак не назовешь.

— Какого дела, Сократ? Не стесняйся, говори.

И Сократ сказал:

— Угодничества.

— По-твоему, красноречие — угодничество? — рассмеялся Ликон.

— Я сказал, часть угодничества.

— Стало быть, ораторы мало что значат в своих городах, раз они всего лишь льстивые угодники?

— По-моему, они вообще ничего не значат.

— Как! — вскричал Ликон и даже подскочил на месте. — Разве они не всесильны в своих городах? Разве они, словно тираны, не убивают, кого захотят, не отнимают имущество? Не изгоняют из города, кого сочтут нужным?

— Еще раз повторяю: ораторы и тираны обладают в своих городах силой самой незначительной.

— Ну, Сократ, ты несешь несусветный вздор!

— Не бранись, бесценнейший мой, а лучше покажи, в чем я заблуждаюсь. Если нет, давай лучше спрашивать буду я.

И, вскочив, сказал Ликон, в раздражении расхаживая меж столами:

— Спрашивай! Может быть, я пойму, наконец, что ты имеешь в виду.

И Сократ спросил:

— Скажи, как ты назовешь того, который, убивая или изгоняя другого, делает это несправедливо: сильным или слабым — будь то тиран или оратор?

— Сильным назову его.

— Но ведь, судя по твоим словам, сила есть благо, а как же можно благо примирять с несправедливостью?

— Я и не собираюсь их примирять, но скажу, что слаб и жалок тот, кто несправедливо убит или изгнан.

— Вот тут-то мы и расходимся, Ликон, потому что убийцу я считаю еще более жалким и несчастным.

— Это почему же?

— Потому что худшее на свете зло — это творить несправедливость.

И Ликон, усмехнувшись, спросил:

— Выходит, чем чинить несправедливость, ты хотел бы скорее терпеть ее?

— Я не хотел бы ни того, ни другого. Но если бы оказалось неизбежным либо творить несправедливость, либо переносить ее, я предпочел бы переносить.

И, встав перед Сократом, сказал возмущенный Ликон:

— Выходит, если человек несправедливо стал тираном, а его схватили, оскопили, истерзали всевозможными пытками, да еще заставили смотреть, как пытаются его детей и жену, а в конце концов распяли или сожгли на медленном огне — в этом случае он будет счастливее, чем если бы ему удалось спастись и стать тираном и править городом до конца дней своих, поступая как вздумается и возбуждая зависть сограждан?

И сказал Сократ:

— По-моему, Ликон, человек несправедливый и преступный несчастлив при всех обстоятельствах, но он особенно несчастлив, если уходит от возмездия и остается безнаказанным. Поэтому-то я и считаю, что для того, чтобы оправдать несправедливость собственную или своих родителей, детей, отечества, красноречие нам совершенно ни к чему. Вот разве что кто обратится к нему с противоположными намерениями, — чтобы обвинить прежде всего самого себя, а затем любого из родичей и друзей, кто б ни совершил несправедливость, и не скрывать проступка, а выставлять его на свет: пусть провинившийся понесет наказание и выздоровеет; чтобы упорно убеждать самого себя и остальных не страшиться, а крепко зажмурившись, сохранять мужество, как в те мгновения, когда ложишься под нож или раскаленное железо врача, и устремляться к благу и прекрасному, о боли же не думать вовсе; и если проступок твой заслуживает плетей — пусть тебя бичуют, если оков — пусть заковыдают, если изгнания — уходи в изгнание, если смерти — умирай, и сам будешь первым обвинителем, и своим и своих близких. Вот на это и употребляй красноречие, чтобы преступления были до конца изобличены, а виновные избавлены от величайшего зла — от несправедливости!

И, с яростью ударив по столу кулаком, заорал Ликон:

— Хватит! Я не позволю дольше издеваться над величайшей святыней государства — риторским искусством!

И тогда вскочил из-за стола Платон и со словами:

— На грубость я привык отвечать грубостью! — схватил Ликона за шиворот и вытолкнул его разжиревшую тушу в дверь.

И хохот гостей приветствовал поступок Платона, и хозяин сказал, подняв бокал:

— Выпьем, друзья, за новую победу Сократа!

Критон же, перегнувшись через стол, шепнул Сократу:

— Боюсь, дружище, что эта победа слишком дорого тебе обойдется. Да и Платон оказал тебе плохую услугу...

— Что ты имеешь в виду? — спросил Сократ.

— Ты будто дитя, Сократ. Разве ты забыл, что Ликон — лучший друг Анита?..

И Сократ, рассмеявшись, сказал:

— Тебе все козни врагов мерещатся! Выпей-ка лучше вина, Критон!

И кончили спор друзья умеренным возлиянием.

...И то, чего Сократ по старости лет и спокойствию совести своей не ожидал, но чего опасался Критон, знавший хорошо коварство врагов Сократа, свершилось вскоре же: Анит, Мелет и Ликон, объединившись, подали на Сократа в суд, обвинив его в непочитании богов и порче молодежи.

Когда же именитейший на всю Элладу ритор Лисий, собравшись защищать Сократа, показал ему заранее написанную речь, мудрец, ознакомившись с ней, сказал: «Прекрасная речь, мой Лисий, но для меня неподходящая». «Как же хорошая речь может быть неподходящей?» — удивился Лисий. И Сократ сказал: «А разве прекрасные наряды были бы подходящи для меня?»

И пришел к нему государственный вестник и повел его на суд афинян...